

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К. Я. АНЦИТИС, А. Я. ЯНСОН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ СЕЛОВ

Селы являются одним из балтийских племен, принявших участие в формировании латышской народности. Они засвидетельствованы хрониками и документами, главным образом XIII в. Так как на территории нынешних Екабпилсского и Илукстского районов, которую с достоверностью можно причислить к области древнего расселения селов, в последующие столетия не происходило значительных перемен в составе населения, теперешние жители этих районов могут считаться прямыми потомками древних селов.

К сожалению, о селлах известно гораздо меньше, чем о других древних племенах¹ Латвии — латгалах, земгалах, куршах и ливах. Некоторые сведения о селлах содержатся в хрониках Ливонии от XIII в. Так, хроника Генриха Латвийского описывает покорение замка селов (*castellum Selonum*) немцами в 1208 г. (XI, 6)² и упоминает селов вместе с латгалами в Кокнесе (XII, 1; XXIX, 5 — «*cohabitantes*») и вместе с литовцами, без указания места (XVII, 5)³. Из этой хроники мы узнаем, что селы жили в Кокнесе, следовательно, на правом берегу Даугавы, что они были союзниками литовцев⁴, но территория, заселенная селами, остается неясной. Другая хроника Ливонии XIII в. — «Рифмованная хроника» — позволяет судить лишь о том, какие племена окружали селов⁵.

К документам, содержащим важные сведения о селлах, относятся так называемые дарственные грамоты Миндовга, великого князя Литовского, согласно которым земля селов (*Selonia*, иногда также *Zelonia*, где *z*, по-видимому, следует читать как *s*) дается в подарок Ливонскому ордену; в них указываются границы территории селов⁶. Однако документы эти вызывают сомнение, так как трудно поверить тому, что

¹ Необходимо указать, что термин «племя» в нашей статье употребляется условно, ибо его нельзя без оговорок относить ко всем периодам истории этнического развития селов.

² Генрих Латвийский, Хроника Ливонии (Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского), М.—Л., 1938, стр. 299 и 112; см. также Л. Н. Терентьева, Колхозное крестьянство Латвии, М., 1960.

³ Генрих Латвийский, Хроника Ливонии, стр. 303 (русский перевод — 116), 440 (246) и 351 (162).

⁴ A. Bielenstein. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert, St. Petersburg, 1892, стр. 168.

⁵ «Рифмованная хроника», строки 139—146; 337—340.

⁶ Fr. Bunge, Liv-Estn-und Curländisches Urkundenbuch, I, Reval, 1853, стр. 371 (докум. № 286, 1255 г.), 372 (докум. № 287, 1255 г.), 462 (докум. № 363, 1261 г.).

действительно такой подарок был сделан. Поэтому еще Биленштейн⁷ отказался от рассмотрения этих документов, считая их подложными.

«Повесть временных лет» (1116 г.), которая отмечает остальные племена или земли древней Латвии (Зимгола или Зимъгола, Корсь, Лътигола, Либь или Любь), селов не упоминает. Не следует полагать, однако, что селы образовали отдельную этническую группу только после того, как была составлена летопись. Во-первых, формирование племен Прибалтики относится археологами к гораздо более отдаленному прошлому⁸. Во-вторых, как мы отметим далее, указание на селов дает письменный источник, основанный на данных III в.; Биленштейн⁹ полагал, что Нестор (т. е. «Повесть временных лет») включил селов в обозначение Лътигола. Вполне возможно, что Лътигола включает в себя ту часть территории селов, которая по документам XIII в. селам уже не принадлежала, т. е. древнюю территорию селов в Видземе. Что же касается остальной части Селии, то вопрос о том, кто ею владел в конце XI в., пока не решен.

В сведениях о селлах от XIII в. мало данных об их языке. Связных текстов нет ни на одном из языков древних латышских племен, а от Селии сохранилось очень немного топонимических названий. Трудно судить о языке селов и по данным современных говоров в районах, некогда населенных селами. Там встречается тот же верхнелатышский диалект, что и на территории древних латгалов. Большинство признаков этого диалекта не старше XV в.¹⁰, а в XVI в., когда возникла латышская письменность, латгалы, селы и земгалы уже не упоминаются. В XVII в. селы вместе с латгалами известны под названием «редины»¹¹. В настоящее время слово «селы» (selj) сохранилось лишь в немногочисленных топонимах¹².

Буржуазная археология или совсем не говорила о селлах, или причисляла их к латгалам. Так, в книге «Латышская культура в древности»¹³ помещен ряд таблиц под заглавием «Латгалы», хотя изображенные на них предметы найдены в раскопках на территории селов.

Советские этнографы не занимались специально селлами, однако кое-что в этом направлении уже сделано. Кроме уже указанной книги Л. Н. Терентьевой, следует отметить работы И. А. Лейнасаре¹⁴ и А. Крастини¹⁵. Особо надо упомянуть составленную М. К. Славой¹⁶ карту, показывающую распространение разных типов женских рубаш (распространение типа рубахи с прямыми поликами, пришитыми утку, в основном совпадает с территорией селов, которую мы рассмотрим в дальнейшем).

Из археологических работ можно отметить доклад Э. Д. Шноре о раскопках в Леяс Допелес Стабурагского сельсовета; докладчицей сде-

⁷ A. Bielenstein, Указ. раб., стр. 171.

⁸ H. Moora, Pirmatneja kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā, Rīgā, 1952, стр. 60.

⁹ A. Bielenstein, Указ. раб., стр. 30.

¹⁰ J. Endzelīns, Ievads baltu filoloģijā, Rīgā, 1945, стр. 65.

¹¹ См. P. Einhorn, Historia Lettica, Dorpat, 1649 (Scriptores rerum Livonicarum, II, 577); См. также А. Bielenstein, Указ. раб., стр. 471.

¹² В некоторых случаях даже в топонимах корень этого слова сильно изменен, например, вместо Селпилс (название местности, где находился упомянутый замок селов — castrum Selonum) говорится Серпилс.

¹³ «Latviešu kultūra senatnē», Rīgā, 1937.

¹⁴ И. А. Лейнасаре, Земледельческие орудия латышей в XVIII — первой половине XIX века. «Сов. этнография», 1957, № 6.

¹⁵ А. Крастиня, Zemnieku dzīvojamās ēkas Vidzemē klaušu saimniecības saīšanas un kapitālisma nostiprināšanās laikā, Rīgā, 1959; ее же, Крестьянское жилище в Видземе в период разложения барщинного хозяйства и укрепления капитализма. Автореферат диссертации, Рига, 1958.

¹⁶ М. К. Славая, Комплексы женской народной одежды латышей в конце XVIII и первой половине XIX в., Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, I, М., 1959, стр. 487—509, карта на стр. 488.

лана попытка отличить материальную культуру селов от культуры латгалов¹⁷.

Первый вопрос, на который необходимо ответить, решая проблему о селлах,— являлись ли селы самостоятельной этнической группой?

Археологи долгое время считали селов латгалами левого берега Даугавы. Однако обе хроники Ливонии от XIII в. резко отделяют селов от латгалов, земгалов, куршей, ливов и литовцев. Весьма характерны указанные выше места в хронике Генриха Латвийского, где селы отмечены в Кокнесе рядом с латгалами. Следовательно, несмотря на то, что на небольшой территории селы и латгалы жили в непосредственном соседстве, хронист был в состоянии отличить одних от других. Мнению, будто селы представляли собой латгалов левого берега Даугавы, противоречит и то, что Кокнесе находится на правом берегу Даугавы. Это подтверждается и топонимикой. Топонимических названий, образованных от слова «селы», на территории Латвийской ССР несколько десятков. Отметим только по одному на территории каждого из древних племен Латвии: *Селейши* — в Валтайки (в Курсе, на территории куршей)¹⁸, *Селиеши* — в Залите (в Земгале, на территории земгалов)¹⁹, *Сели* — в Апе (в восточной части Видземе, на территории латгалов)²⁰, *Селеки* — в Икшкиле (в Видземе у Даугавы, в XIII в. здесь жили ливы)²¹. В Литовской ССР есть местность *Селине* (в Рокишжском районе)²².

Второй из вопросов о селлах — с каким другим племенем или народностью они находились в наиболее близких родственных отношениях? Так как археологи причисляли селов к латгалам, то, по-видимому, в материальной культуре они были близки. На запад от селов жили земгалы. Следует полагать, что земгалы с селами находились в более близких отношениях, чем с куршами, которые жили по другую сторону от земгалов. Однако по этому поводу высказано прямо противоположное мнение. Так как оно до сих пор еще не вполне опровергнуто, то на нем стоит остановиться.

По мнению известного литовского языковеда К. Буги, селы представляли собою ветвь куршей, и в древности и те и другие образовали одну этническую группу²³. К. Буга обосновывает свою точку зрения лишь одними лингвистическими данными. Он нашел на территории древних селов ряд топонимов с тавтосиллабическим *н*²⁴, а так как он по-

¹⁷ Э. Д. Шноре, Археологическая экспедиция 1960 г. на левобережье Даугавы. Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1960 года, Рига, 1961, стр. 26—28.

¹⁸ J. Endzelīns, *Latvijas vietu vārdi*, II, Rīgā, 1925 (В дальнейшем — Э. II), стр. 23.

¹⁹ Там же, стр. 28.

²⁰ J. Endzelīns, *Latvijas vietu vārdi*, I, Rīgā, 1922 (в дальнейшем — Э. I), стр. 76.

²¹ Там же, стр. 39.

²² «Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas», Vilnius, 1959, smp. 376. Этноним «селы» встречается в топонимах и вне Прибалтики, например: *Sielihory* («Słownik Geograficzny», XV, 2, 576, 582). *Силигор* (см. Ю. Ю. Труссман, Этимология местных названий Витебской губернии, Ревель, 1897) и др. Подобные топонимы, если они действительно имеют отношение к селам, скорее всего объясняются дальними иммиграциями селов, но рассмотрение таких случаев не входит в рамки настоящей статьи.

²³ См. К. Вūga, *Aisčiu praeitis vietų vardų šviesoje*, Kaunas, 1924; на карте, приложенной к книге, обозначена предполагаемая им общая родина куршей и селов в VI в.; см. его же, *Lietuvių kalbos žodynas*, II šasiuvinis, Kaunas, 1925, стр. LXXXIX, сл., CXLI, сл.

²⁴ Как известно, в латышском языке сочетание звуков *ан, ен, ин, ун*, если они принадлежали к одному и тому же слогу, соответственно превратились в *ю, ие*, долгое *и*. долгое *у*. В литовском языке эти сочетания с *н* все еще сохраняются. Они были сохранены и в куршском языке, и этим он отличается от языков всех остальных латышских племен, которые утратили тавтосиллабическое *н*.

лагал, что в языке селов сохранилось это *н*, подобно тому, как оно сохранилось в языке куршей, он считал язык селов наречием языка куршей.

В наши дни взгляд К. Буги должен быть подвергнут критике. Во-первых, К. Буга не знал, что процесс исчезновения тавтосиллабического *н* завершился в X—XII вв.²⁵, так что в VI в., когда, по мнению К. Буги, курши и селы представляли одно племя, это *н* еще сохранялось во всех языках древних латышских племен и, следовательно, в этом отношении они все были в равной мере родственны друг другу. Во-вторых, неправильно и то, что в языке селов сохранялось тавтосиллабическое *н*. Я. Эндзелин уже указал, что не все селы сохранили *н*²⁶. Можно все-таки полагать, что это *н* исчезло во всех говорах языка древних селов, ибо процесс исчезновения тавтосиллабического *н* длился более продолжительное время: в короткий срок от *ан* не может образоваться *уо*. Таким образом, *н*, вероятно, сохранилось лишь у селов, живших изолированно, как это было в Литве, где между литовцами были «острова» селов. К сожалению, приведенный Я. Эндзелином пример мало показателен, ибо в слове *Vesyten* (теперь: *Viesīte*; ср. лит. *Viešinta*) *н* исчезло в суффиксе, а это встречается и в некоторых куршских топонимах, например в слове *Kuldga* (о том, что во втором слоге слова раньше было *н*, свидетельствует немецкое название этого города *Goldingen*).

Чтобы убедиться в том, что язык селов действительно утратил тавтосиллабическое *н*, обратимся к другим топонимам бывшей Селии и остановимся на слове *Dviete* (приток Даугавы и бывшее имение в Илукстском районе). Это слово встречается только в Селии²⁷, и оно не может быть ни финно-угорским, ни славянским. Слово *Dviete* родственно литовскому глаголу *tvinti* «подниматься», «прибывать» (о воде) и вначале означало «залитая», «затопленная». Это значение можно связать с рекой Двиете, которую вместе с окрестностью ежегодно заливают воды Даугавы²⁸. На этом примере видно, что язык селов утратил тавтосиллабическое *н* и в этом отношении был сходен с языком латгалов (и с современным латышским языком), отличаясь от языка древних куршей. Из сказанного следует, что язык селов не может считаться куршским диалектом.

Правда, в Селии встречаются некоторые топонимы с тавтосиллабическим *н* — *Svente* (Илукстский район; сравн. название реки в Курсе *Sventāja*). Их можно объяснить пришельцами из Курсы. Курши еще в XIII в. обнаруживаются в Видземе (название села *Cursicule* в документе от 1248 г.). Названия населенных мест *Kursieši* (означает людей из Курсы) встречаются также в бывшей Латгалии (Науене, Извалтс, Варкава, Вишки, Крустпиле), т. е. еще дальше от Курсы, чем Селия. Возможно, некоторое количество куршей поселилось также между селами, о чем свидетельствует, между прочим, топоним *Kursieši* в Рите (Екабпилский район). Приведенные К. Бугой древние топонимы «*Gandenep*» и «*Lensen*» могут быть или куршского, или литовского происхож-

²⁵ Это показывают следующие факты: в латышском языке есть слово *mīks* «монах», заимствованное от скандинавов (шведское *munck*; ср. также заимствованное эстонское *munck*), которое уже утратило *н*. Так как скандинавы в IX в. еще не были крещеными, то древние латышские племена могли позаимствовать это слово только начиная с X в. Но уже в 1201 г. хроника Генриха отмечает слово Рига без *н*, тогда как в некоторых литовских говорах еще недавно сохранялось Ринга.

²⁶ J. Endzeliņš, *Latviešu valodas gramatika*, Rīgā, 1951, стр. 9 (§ 3, с.).

²⁷ J. Endzeliņš, *Latvijas PSR vietvārdi*, I, I, Rīgā, 1956, стр. 249.

²⁸ Для пояснения этимологии слова *Dviete* добавим, что именно в сельских говорах, например, в Биржах, в Акнисте и др., слово *tvans* (угар), родственное литовскому глаголу *tvinti*, выговаривается с *d*: *dvans*; эти слова имели два параллельных корня. Этимологию слова *tvans* см.: К. Mülenbachs un J. Endzeliņš, *Latviešu valodas vārdnīca*, III, стр. 289. Мы благодарны кандидату филологических наук Я. Рудзитису, уроженцу Двиете, за сведения о реке Двиете.

дения, так как в документе XIV в. (около 1392 г.) они отмечены как пограничные пункты²⁹.

Обратимся далее к третьему, очень важному вопросу — о территории селов. К. Буга справедливо считает, что земля селов вдавалась в территорию Литвы. Для определения границ Селии К. Буга воспользовался теми документами, от рассмотрения которых, как подложных, отказался Биленштейн. И Буга был вправе так поступать. Ведь подлог документов был совершен, чтобы доказать права немцев на земли селов, а для этой цели не могли служить вымышленные названия местностей и несуществующие границы. Должно быть, документ, датированный 1261 годом, в общем верно отражает границы той территории, которая в нем названа Селонией³⁰.

Рассмотрение этих границ мы начнем с той части, которая начинается у Nowepene и по линии Korwech простирается до Lodenbecke. Nowepene — замок на месте теперешнего города Даугавпилса, Korwech означает «торговый путь», Lodenbecke — река у озера Луодис в Литве (Дукштасский район). Хотя нельзя сказать определенно, через какие местности проходил упомянутый путь, все-таки ясно, что, начиная с Даугавпилса, граница селов проходила уже не вдоль Даугавы, а в южном направлении. Из этого следует, что самая крайняя восточная часть бывшего Илукстского уезда (теперь в Даугавпилском районе) не входила в состав Селии, хотя селы в меньшем количестве, вероятно, жили и по ту сторону пути. Вероятно, именно в этом месте селы жили рядом с русскими или даже смешанно с ними (в «Рифмованной хронике» сказано (строка 146), что селы были соседями русских). Эта граница, вероятно, относится к тому времени, когда восточнославянские племена поселились к востоку от балтийских племен. Ввиду того, что селы соприкасались также с русскими в районах городов Ерсики и Кокнесе (на территории теперешней Латвийской ССР), о чем имеются сведения от XIII в., есть основание искать в культуре селов влияние русского народа, а раньше — восточнославянских племен.

Далее в грамотах Миндовга граница Селонии (на территории нынешней Литовской ССР) описывается довольно подробно. Она проходила вдоль реки Луодис, которая в дальнейшем течении называется Дусетой, затем к озеру Сарту, к истоку реки Швентой и по этой реке. Еще дальше в качестве границы указываются реки Вашуока, Латува, Вишинта и Левуо. Вдоль последней граница продолжается до реки Мусы, которая в документе называется die Semigaller A [a], т. е. Лиелупе. На обыкновенных картах маленькие реки не обозначены, поэтому для нашей карты мы воспользовались также указанными К. Бугой пограничными местностями: Салакас, Таурагнай, Утена, Сведасай, Субачас (рядом Купишкис), Палевене, Пасвалис, Салочяй. Эта область охватывает территорию пяти — шести современных районов Литовской ССР (карта Литовской ССР, 1956 г.), она больше, чем Илукстский и Екабпилсский районы Латвийской ССР, вместе взятые.

К. Буга доказал также, исходя из лингвистических данных, что в этой области действительно прежде жили селы. В первую очередь об этом свидетельствуют топонимы *Зарасай* (город), *Задуюяс* (озеро), *Антазаве* (местечко), *Зирнейяй* (село) и др., которые не могут быть литовскими вследствие своего *з* (вместо ожидаемого *ж*). То же относится и к топонимам *Чичирис*, *Чичирайтис* (озера), *Чедасай* (местечко) со звуком *ч* вместо ожидаемого *к*, которые наследованы от селов, ибо *ч* могло об

²⁹ См. также рецензию Я. Эндзелина на словарь литовского языка К. Буги («Filologu biedrības raksti», IV, Rīgā, 1924, стр. 103).

³⁰ Четко намеченные в документе границы Селонии могли в некоторых местах и не совпадать с границами местностей, где раньше жили селы, ибо в XIII в. часть Селонии, находящаяся в Литве, была уже сильно заселена литовцами.

разоваться только от селского (мягкого) *ц*, а не от литовского (мягкого) *к*³¹.

Заемствованные от селов слова Буга нашел и в лексике местных говоров, а также в некоторых топонимах, образованных от слова «селы» (кроме уже указанного Селине, Селе)³². Очевидно, они обозначают места, где селы не подверглись влиянию литовцев и их язык развивался самостоятельно. Видимо, и тавтосиллабическое *н* здесь не исчезло. Этим можно объяснить то, что в заимствованных литовцами селских словах сохранилось *н* (например, *zinti* — «хворает»). Такие селские «острова», по-видимому, сохранялись довольно долго, ибо в некоторых литовских словах, заимствованных от селов, не наблюдается характерного для остальных слов местных литовских говоров превращения *ан* в *ун* (*galandiju* — «уничтожаю» вместо ожидаемого *galundiju*)³³.

К. Буга полагает, что в этой древней области селов уже в XIII в. жило немало литовцев. Вероятно, это так и было, иначе немцы покорили бы и эту часть Селии. Буга не ответил на вопрос, когда литовцы начали колонизовать эту область, но указанные им языковые данные позволяют судить об этом. Раз здесь имеются топонимы со звуком *з* вместо ожидаемого литовского *ж*, то ясно, что литовцы пришли сюда тогда, когда язык селов уже отличался от литовского языка в этом отношении. К сожалению, мы не знаем, когда возникло это отличие, которое характеризует все языки древних латышских племен. Зато кое-что мы знаем о происхождении *с*, *dz* (*ц*, *дз*) из общепалтийских *k̄*, *ḡ* (смягченные *к*, *г*). Этот процесс совершился раньше, чем исчезновение тавтосиллабического *н*³⁴. Так как исчезновение этого *н* не старше X в., то X в. и является последним, когда могла начаться иммиграция литовцев в ту часть Селии, которая находилась на территории современной Литовской ССР.

Итак, может считаться доказанным, что рассмотренная область Литовской ССР действительно входила в состав древней Селии. Это подтверждают и исторические документы, и языковые данные. Наш вывод же о времени переселения литовцев в эту область является гипотезой, требующей подтверждения со стороны археологии, ибо он основан только на языковых данных. Возможно, что археологам удастся более точно указать время появления здесь литовцев. А этнографы имеют основание искать в культуре литовцев этой области наследие селов.

Рассматривая далее границу селов с земгалами, мы уже не можем пользоваться так называемыми дарственными грамотами Миндовга. В документе от 1261 г. кратко сказано, что граница продолжается по реке Лиелупе до озера Бабитес. Такое указание не соответствует действительности, ибо известно, что земгалы жили также на правом берегу реки Лиелупе. Наряду с подробным и правдоподобным описанием границы в Литве, такое общее и неправильное указание границы в Латвии можно объяснить следующим образом. Первое было необходимо немцам, чтобы создать впечатление, будто Миндовг отказался от Селии, а проводить границу между селами и земгалами не было надобности, так как территория, населенная земгалами, как и северная часть Селии, уже была покорена немцами³⁵.

³¹ К. Būga, *Kalba ir senovė*, Kaunas, 1922, стр. 1, сл.

³² Теперь Села, см. «Lietuvos TSR administratinis-teritorinis suskirstymas», Vilnius, 1959, стр. 511.

³³ К. Būga, *Lietuvių kalbos žodynas*, Kaunas, 1925, стр. CXLVI.

³⁴ J. Eņdzelīns, *Latviešu valodas gramatika*, стр. 171.

³⁵ Изготовление документа обычно относят к XIV в.; если же он в самом деле относится к 1261 г., то, по-видимому, немцы стремились доказать им свои права на часть Земгалии, которая в 1261 г. еще не была целиком покорена ими.

Граница XIII в. между селами и земгалами давно намечена на картах³⁶. Однако этнографам и археологам важнее определить не то, где именно проходила граница в данный исторический момент, а где могли бы сохраниться до наших дней памятники культуры определенного племени. Для этого важно установить, в каких местностях вообще обитало данное племя. В нашем случае попытаемся определить место обитания селов, воспользовавшись методом, основанным на использовании сельской восходящей интонации и уже нашедшим применение.

Сельская восходящая интонация сохранилась, несмотря на то, что ее с трех сторон окружают говоры с прерывистой интонацией вместо восходящей. Прерывистая интонация в латышском языке возникла вследствие перенесения ударения на первый слог слова. Перенесение ударения — это, может быть, не особенно древний процесс, но если все остальные племена, перенеся ударение, образовали прерывистую интонацию и только селы составляют исключение, то следует полагать, что язык селов еще раньше имел какое-то артикуляционное отличие. Поэтому сельская восходящая интонация может считаться древним признаком языка селов, характерным для него, подобно тому, как для языка куршей характерным является тавтосиллабическое *n*, а для языка земгалов — анапстиксис (явление, напоминающее русское полногласие). Даже в наши дни специалист-диалектолог сравнительно легко по интонации может установить, уроженцем какой местности является данное лицо, так как интонации принадлежат к относительно неизменным свойствам языка.

Часть границы между восходящей и прерывистой интонациями по левую сторону Даугавы в свое время выяснил Ю. Плакис, который, собирая топонимы, ознакомился со всеми говорами в Курземе, Земгале и в Селии до Даугавы. Он первый решил воспользоваться соприкосновением прерывистой и восходящей интонаций для определения границы между земгалами и селами. Однако он не провел эту границу до Литвы, она прерывается у Вецсауле, вероятно потому, что здесь интонационная граница резко поворачивает к востоку, и автор не сумел объяснить этого.

Эта интонационная граница³⁷, которая обозначена и на нашей карте (рис. 1), следующая. В бывшей Даугмалской волости: в Ливе — восходящая, в Брамберге — прерывистая; в бывшей Балдонской волости: в Мерцендарбе — восходящая, в остальной (западной) части — прерывистая; в бывшей Вецумниекской волости: в восточной части — восходящая, в западной — прерывистая; в бывшей Стелпской волости, согласно Плакису, — восходящая, но по В. Зубкане-Кригере — прерывистая³⁸, в бывшей Брукнской волости Плакис находит восходящую интонацию, а В. Зубкане-Кригере еще восточнее этой волости, в Скайсткальне и Барбеле — прерывистую. Плакис собирал сведения от лесников, между которыми могли быть уроженцы другой волости, а В. Зубкане-Кригере описывает одновременно четыре говора и могла ошибиться. Однако ясно, что граница, проходящая из Даугмале в южном направлении с небольшим отклонением на запад, на некотором расстоянии к северу от г. Бауски поворачивает на восток и, если в Брукне и в одной части бывшей Вецсаулской волости действительно имеется восходящая интонация, то граница должна изгибаться к северу. Получается извилина, которая становится еще больше, если мы попытаемся соединить границу Селии XIII в., проходящую по реке Мусе, с Даугмале, до которой простирается восходящая интонация в наши дни.

³⁶ Из новейших см. карту «Территория Латвии в XIII в.» в кн. «История Латвийской ССР», I, Рига, 1952.

³⁷ J. Plākis, Varzūteja zemgalu un sēlu robeža, «RLB Ziņātņu komitejas Rākstu krājums», 23A, стр. 82, сл. (с картой).

³⁸ V. Zubkāne-Kriģere, Skaistkalnes, Bārbeles, Valles un Stelpes izloksņu apraksti, «Filologu biedrības raksti», XVIII, стр. 8, сл.

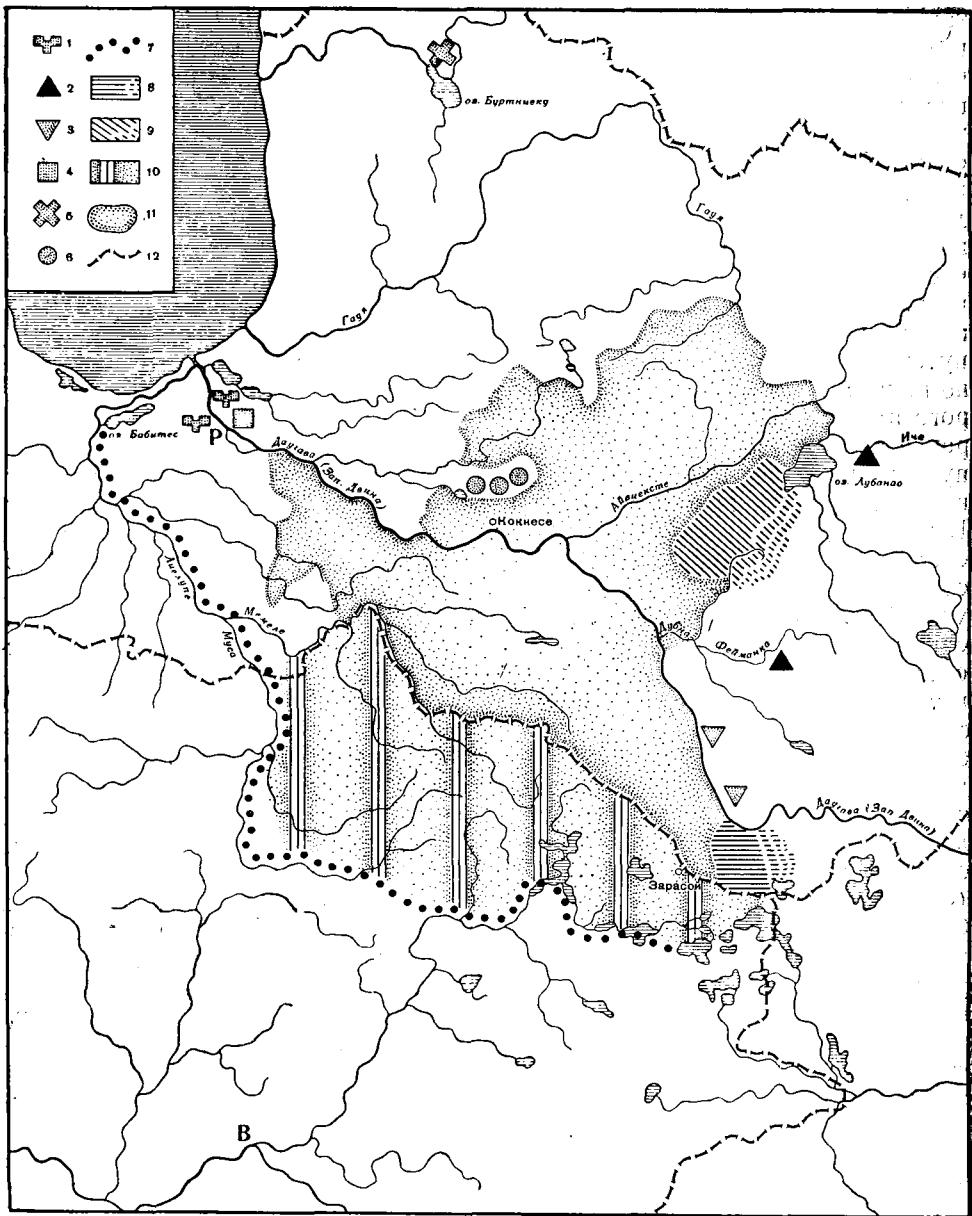

Рис. 1. Территория селов: 1 — селы засвидетельствованы еще в III в.; 2 — курганные могильники селов III—IV вв. вне очерченной территории селов; 3 — местности на правом берегу Даугавы, в документах XIII в. упомянуты как пограничные пункты Селонии (возможно, что частично были заселены селами); 4 — селы упомянуты в документах XIII в.; 5 — бывшее имение «Сели»; 6 — в распоряжении авторов нет лингвистических данных, позволяющих судить о восходящей интонации; 7 — описанная в документе от 1261 г. граница Селонии; 8 — селы смешанно с русскими; 9 — селы смешанно с латгалами; 10 — Селония (1261 г.) на территории современной Литовской ССР; 11 — Селония на территории современной Латвийской ССР; 12 — границы республик, Р — г. Рига; В — г. Вильнюс

Имеются сведения от XIII в. о том, что небольшое число селов жило также в тогдашнем округе города Риги (Stadtmark)³⁹. Вокруг Риги, надо полагать, еще раньше был смешанный состав населения. О том, что селы жили недалеко от Риги, имеется очень давнее сведение — так называемая Tabula Peutingeriana — копия старой римской карты, которую уже использовал М. Скрузитис, первый исследователь древних селов. Составители этой карты пытались показать на ней весь известный римлянам свет⁴⁰. Надписи на карте при палеографическом исследовании их показывают, что копия изготовлялась примерно в X—XII вв., но это не является временем составления карты, ибо тогда восточная часть Европы была уже гораздо подробнее известна, чем она отражена на карте. Поэтому обычное мнение, относящее составление карты к III или не позже IV в., должно считаться обоснованным. Это по существу путевая карта (itineraria), чем и объясняется то, что на карте намечены не реки, а водные пути. Одним из них является и тот, один конец которого назван «Caput fl[uvii] Selliani». Fluvius Sellianus означает «селская река» и отождествляется с Даугавой (Западной Двиной). Продолжение пути не имеет названия, но, по всей вероятности, это Днепр. Очевидно, великий водный путь «из варяг в греки» был известен и римлянам. К югу от Даугавы находится устье fl[uvii] Danubii (Дуная), ввиду чего отождествление реки fl. Sellianus с Даугавой и чисто географически достаточно обоснованно. К юго-западу от fl. Sellianus имеется обозначение *venedi* (т. е. славяне). Но fl. Sellianus — это только одна из ветвей описанного водного пути. Другая ветвь называется *amnis paludis*. Ее рассматривают как реку Гауя (в Видземе), последняя впадает в Балтийское море недалеко от Даугавы. На карте получается, что Даугава, текущая с юго-востока, и Гауя, которая течет с северо-востока, представляют собою два устья одной и той же реки. Это понятно, так как обе реки — древние водные пути, ведущие в Восточную Европу, о которой римляне имели довольно неясное представление. Множество озер вокруг Риги действительно могло произвести впечатление, будто Даугава и Гауя связаны между собою. Вследствие всего этого название fl. Sellianus («селская река», «река селов») действительно нужно отнести к Даугаве. Отсюда следует, что в низовье Даугавы, примерно в том месте, где позже была основана Рига, в начале нашей эры жили селы⁴¹. Нельзя с уверенностью судить о том, были ли селы, жившие в XIII в. близ Риги, потомками этих древних селов, или же они поселились здесь сравнительно недавно. Нужно принять во внимание, что около X в. в этой местности появляются ливы, которых археологи до этого времени здесь не отмечали, так что в данной местности могли произойти значительные изменения в составе населения.

На правом берегу Даугавы в XIII в. селы, как уже говорилось, упомянуты в Хронике Генриха лишь в Кокнесе. «Рифмованная хроника» перечисляет население Даугавы — ливов, селов, русских (строки 139—146). Кроме Кокнесе и Риги, ни хроники, ни документы не указывают на правом берегу Даугавы ни одной другой местности, которую населяли бы селы. По этим сведениям можно думать, что селы на правом берегу жили только вдоль самой Даугавы, и то, может быть, не на всем протяжении.

³⁹ «Fontes Historiae Latviae Medii Aevi», I, Rīgā, 1937, документы, № 122, 132, 134, 145.

⁴⁰ Использовано издание 1824 г. этой копии: «Tabula itineraria Peutingeriana», Lipsiae, 1824, табл. VIII; см. также: М. Skruzits, Sēli, Kurzeimes augšgala senči, Rīgā, 1889, стр. 19 и 20.

⁴¹ Н. Моога, Die Eisenzeit in Lettland, 1938, стр. 646—647, карта рис. 91; автор здесь упоминает путь по долине реки Гауя, ведущий в Псков. По мнению Х. А. Моора, только существование такого пути может полностью объяснить культурные связи, которые имели место во II—IV/V вв. н. э. между жителями Южной Эстонии и югом того времени.

Однако если проследить распространение селской восходящей интонации, получается совершенно иная картина. С восходящей интонацией вместо прерывистой говорят в широкой округе по обеим сторонам реки Айвиексте, притока Даугавы. На севере предельными говорами, принадлежащими к восходящей интонации, являются горы следующих местностей: Лубана, Дзелзава, Адулиена, Тирза, Друвизна, Медзула...⁴² Юмурда, Эргли, Огре, Таурупе, Меньгеле, ...Аизкраукле. Южная граница начинается около города Ливаны и простирается до Лубанского озера, причем в говорах Аташиене и Баркавы встречаются как прерывистая, так и восходящая интонации (первая в одних, вторая в других условиях). Это указывает на то, что численность селов и латгалов здесь была приблизительно равная, ни та, ни другая интонация не могла взять перевес.

Если присоединить только что очерченную область к ранее рассмотренной, область расселения селов на территории нынешней Латвийской ССР увеличится примерно на 50%. Конечно, в меньшинстве селы могли встречаться и за пределами этой области, ибо восходящая интонация могла сохраниться только там, где селы составляли большинство населения.

Возникает вопрос, когда селы появились в этой области по правую сторону Даугавы. В бронзовом веке здесь жили угро-финские племена, поэтому эта область не может принадлежать к территории, на которой формировались селы. Трудно поверить тому, что селы переселились сюда только после XIII в., ибо территория Екабпилсского и Илукстского районов не могла дать столько переселенцев, чтобы «селизовать» такую обширную область в Видземе и Латгалии⁴³. Поэтому более вероятным следует считать мнение, что селы переселились сюда еще до того времени, как они оказались в окрестностях Риги, т. е. до III в. Подобное мнение высказал археолог Э. Штурм⁴⁴. Он связывал область селской восходящей интонации с распространением курганных могильников II—V вв. Однако указанная Э. Штурмом область восходящей интонации в некоторых местах отличается от той, которую можно начертить на карте, основываясь на данных современной диалектологии. Распространение могильников II—V вв. более точно показывает карта, составленная Х. А. Моора⁴⁵.

Территория селов обозначена на нашей карте (рис. 1). Другая карта (рис. 2), показывающая расположение курганных могильников, прилагается для сравнения с первой. Курганные могильники на территории Литовской ССР несколько отличаются от таковых в Латвийской ССР.

Территорией селов в Видземе и Латгалии прежде всего стал бассейн Айвиексте, притока Даугавы. Один из курганных могильников на карте Х. Моора обозначен восточнее Лубанского озера. Он находится близ р. Ича, притока р. Айвиексте. Надо полагать, что и здесь были селы, но после пришли латгалы, и селская интонация исчезла⁴⁶. Другой такой же могильник находится в Преилях, в Латгалии, куда селы могли про-

⁴² J. Endzelīns, *Latviešu valodas gramatika*, Rīgā, 1951, стр. 38; между Медзулой и Юмурдой граница не указана, ибо отсутствуют описания соответственных говоров; то же между Меньгеле и Аизкраукле.

⁴³ На то, что переселенцы приходили из Курземе, в частности и из Селии, также после XIII в., указывают, например, ревизии гаков XVII века.

⁴⁴ «Latviešu konversācijas vārdnīca», XIX seji, Rīgā, 1939, столбцы 38062—38065 (с картой).

⁴⁵ Н. Моора, *Pirmatņejā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība...*, рис. 43.

⁴⁶ Археолог Р. Шюоре считает этот курганный могильник угро-финским. Мы следуем мнению Х. Моора, который в своей статье «О древней территории расселения балтийских племен» назвал его балтийским. («Сов. археология», 1958, № 2, стр. 25, карта 5.) Расхождение во мнениях археологов, по-видимому, объясняется тем, что этот курганный могильник находится в пограничной местности между балтами и угро-финскими племенами и носит признаки тех и других племен.

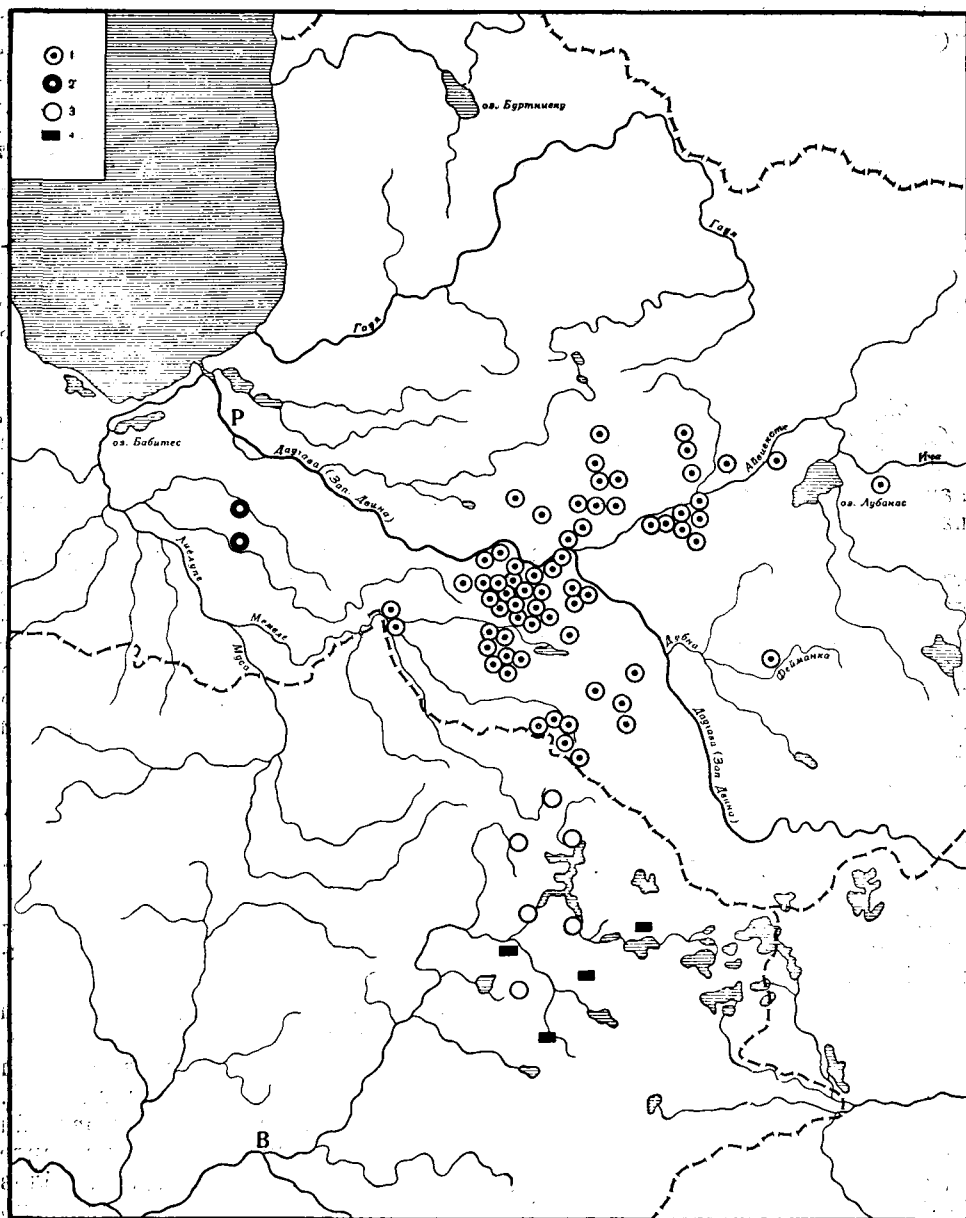

Рис. 2. Распространение погребальных курганов II—IV (V) вв. с труположением; 1 — курганы восточной группы; 2 — курганы западной группы, которые могут быть причислены также к восточной группе; 3 — курганы в северо-восточной Литве; 4 — грунтовые погребения по обряду труположения в северо-восточной Литве. Карта составлена по материалам: Н. Моога, *Pirmatneja kopienas iekārta*, Rīga, 1952, таблицы 43, 54; Р. Яблонските-Римантене, О древнейших культурных областях на территории Литвы, «Сов. этнография», 1955, № 3, стр. 3—19; А. Таутавичус, Восточнолитовские курганы, «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», Труды Прибалтийской комплексной экспедиции, т. I, М., 1959, стр. 128 и сл.

браться по Дубне, притоку Даугавы, и дальше по Фейманке, притоку Дубны.

Были сделаны попытки отыскать селов дальше к северо-востоку от описанной селской области. К. Буга полагал⁴⁷, что селы дошли даже до Алуксне (в северо-восточной части Видземе). Свое мнение он основывает главным образом на топониме «Алуксне», который он считал внесенным селами в Видземе вследствие его сходства с топонимом «Илуксте» (река и город на территории селов); литовцы, знающие эту местность, говорят «Алукста». Точка зрения Буги является только гипотезой, так как она не подтверждена другими доказательствами. Перенесение названий местностей — общеизвестный факт. Однако слово «алуксна» еще и в наши дни употребляется в Алуксне для обозначения болотистого места в лесу⁴⁸; так как языки древних латышских племен находились в близком родстве друг с другом и имели в основном общий словарный состав, то сходные названия как в Селии, так и на территории латгалов могли образоваться и без перенесения.

Принимая область восходящей интонации в Видземе и Латгалии за территорию, заселенную селами уже с начала нашей эры, мы сталкиваемся с трудным вопросом, почему в XIII в. здесь обнаруживаются только латгалы, а селы остались лишь в Кокнесе. Для того чтобы восходящая интонация могла здесь сохраниться, численность поселившихся между селами латгалов не должна была превышать численность живущих там селов.

Дать исчерпывающий ответ на этот вопрос пока нельзя. Можно отметить одно обстоятельство, которое могло иметь влияние на слияние селов с латгалами в данной области: Лътьгола (см. «Повесть временных лет») находилась в известной зависимости от русских. Консолидация оказалась прежде всего в том, что селы стали называть себя также латгалами, потому что это название укоренилось в русском языке. О том, что селы действительно называли себя латгалами (или, может быть, летгалами, как пишется и в «Повести временных лет» и в «Хронике» Генриха), свидетельствуют топонимы. В области, в которой говорят с восходящей интонацией, встречаются названия крестьянских усадеб, образованные от слова «селы»: *Сели* — в Калснаве (Э. I, 14), *Селиши* — в Адулнене (Э. I, 65), *Селишкас* — в Плявиняс (Э. I, 62). Эти топонимы могли возникнуть только в том случае, если в эту область переселились селы из левобережной Селии, где этноним «селы», по-видимому, сохранялся более продолжительное время.

Трудно сказать, откуда появились селы в отдельных местах остальной части Видземе, например в волости «Сели» у Буртниежского озера. Селы могли прийти сюда не только из левобережной Селии, но также из указанной выше селской области в Видземе и Латгале, однако раньше того времени, как там утратился этноним «селы».

В настоящее время на территории бывшей Селской волости нет селской восходящей интонации. Имеются сведения, что в этой небольшой местности произошли значительные изменения в составе населения. Так, во время ревизии 1638 г. здесь было 26 крестьян-мужчин, из которых 5 были пришельцами из Эстонии, а 4 — из Курземе. А первоначальное население — селы, на которых явно указывает топоним, может быть, были смещены уже гораздо раньше — при образовании имения на месте селения селов.

Латышский язык характерен тем, что он делится на большое число говоров, из которых территориально более отдаленные довольно резко отличаются друг от друга. Хотя много отличительных признаков в говорах латышского языка возникло в эпоху крепостного права, однако

⁴⁷ K. Būga, *Aisčių praeitis vietų vardų šviesoje*, Kaunas, 1924, стр. 16.

⁴⁸ K. Mülenbachs un J. Endzelīns, Указ. раб., I, стр. 67.

кое-что должно быть унаследовано от древних племенных языков. Надо полагать, что и язык селов некогда отличался от языка латгалов в большей мере, чем мы сейчас в состоянии об этом судить. Однако нельзя сомневаться в том, что эти языки были близки. В своем дальнейшем развитии язык селов пошел по тому же пути, что и язык части латгалов, и вместе они образовали современный верхнелатышский диалект.

* * *

Все сказанное свидетельствует о том, что селов следует рассматривать как самостоятельную этническую группу. Известную область в Литовской ССР, как и в Латвийской ССР (примерно Екабпилский и Илукстский районы), следует считать территорией, на которой совершилось формирование селов. Отсюда, начиная со II в. н. э., часть селов переселялась в Латгалию и Видземе. В XIII в. та часть Селии, которая принадлежала Литве, была уже в значительной степени литуанизирована. В том же XIII в. селы Латгалии и Видземе, за исключением отдельных мест (на правом берегу Даугавы), уже назывались латгалами. На левом берегу Даугавы обозначение «селы» сохранялось более продолжительное время, однако в XVI или не позже XVII в. оно в качестве этнонима было утрачено и здесь. До наших дней это обозначение сохранилось только в виде топонимических названий. Среди селов жили также пришельцы из других местностей, но там, где сохранилась сельская восходящая интонация, численность селов составляла большинство населения. Коренные жители таких районов могут считаться потомками древних селов.

SUMMARY

The article deals with the Sels, one of the ancient tribes that took part in the formation of the Latvian nationality, and examines several problems connected with the history of the early Sels. The authors briefly review the sources, archeological relics and literary materials bearing on the Sels, and arrive at the conclusion that this was an independent ethnic group, closely related to another ancient Latvian tribe—the Latgaliens; the tendency which prevailed in Latvian bourgeois archeology, of regarding the Sels and the Latgaliens as a single group, is erroneous.

The authors further dwell on the territory occupied by the ancient Sels. In order to establish the borders of this territory, they make recourse to different materials—13th century written records, archeological and linguistic data (the so-called rising Sel intonation).